

Бог един, но дороги к нему разные

байджан начинались именно так. Со стычек и потасовок. Но, к сожалению, все наши власти, включая Политбюро, отказываются это понимать, и меры начнут приниматься тогда, когда, не дай Бог, зазвонят стекла... Все остальное — на уровне слова — от внутреннего бескультурья. Ну, что это за ответ представителей власти: «А вы бы им сказали, чтобы они убирались?»

Я с ужасом узнал, что азербайджанские писатели, поверьте, порядочные люди, не буду называть их имен, но ведущие писатели, к которым мы обратились с тем, чтобы услышать их голос в связи с происходящим в республике, в ответ начали о чем-то несусветном. То же самое я услышал и от моих друзей-армян, которые все прекрасно понимают. И кулаки сжимаются от бессилия, и мучит только один вопрос — что же вы делаете?! Все это признак нашего громадного одичания. К сожалению, этнические, племенные факторы живучи. Они существуют везде, и эмоции, переклестывающиеся через край, способны погасить только цивилизованное государство. Пока мы в таком не живем. Мы ориентируемся только на физическое воздействие.

— По идее, наш разговор с вами, писателем-сатириком, должен был бы идти о чем-то смешном, и читатель, вероятно, предвкушал возможность смеяться и смеяться. Но смеха пока маловато, и тем не менее хочу спросить у вас: что-то все-таки радует вас сегодня?

— Ну, конечно же, что-то радует. Радует, что хотя порой и страшновато, но при всем при том живется интересно. Разве не может радовать, что мы дожили до времени, когда, грубо говоря, не знаем, что будет завтра. На это можно посмотреть не только пессимистически, но и с долей юмора и понимания, что живешь в интересное время. Происходят важнейшие события, и ты — их участник. Раз тебе достался такой билетик — будь добр, используй свой шанс, проверь самого себя. Ведь все равно жизнь человека трагична и кончается небытием. Не зря же при всех охах и ахах на Западе — как у вас все сложно, в магазинах пусто, разгору преступности, вдруг читаешь в письмах оттуда: «У нас тоска, у вас интересно». Вспомним себя, когда жили в тоске и было уныло-водочное время, и думалось: «Черт возьми! Ведь где-то что-то происходит, где-то живут!» Теперь мы все это имеем — и испугались. Мы испугались собственной свободы.

У Войновича в одной книжке есть очень точный образ. На даче стоит большая бочка с затхлой водой. По поверхности воды носятся какие-то жучки. Некоторые из них на скорости перепрыгивают через обод бочки, выбегают в поле и останавливаются в восторге: солнце, зеленая трава, необъятный воздух. Это было прекрасно, но пронзал ужас: по полю ходили птицы с громадными клювами, ничего не стоило попасть под ноги людей, дул ветер, который мог унести Бог знает куда. И многие из букашек торопились вернуться к бочке, чтобы снова прыгнуть в знакомую затхлую воду и снова носиться по кругу. У многих людей сейчас жуткое желание прыгнуть обратно — в поле страшно. Но там — солнце и необъятный воздух...

Вел беседу
Виталий АНДРЕЕВ.
Фото Евгения ГАЙЧУКА.

Недавно в Таллине побывал известный писатель-сатирик Григорий ГОРИН, один из авторов пьесы «Кот домашний средней пушистости», которая с успехом идет на сцене Русского драматического театра. Естественно, что первый вопрос к гостю был связан со спектаклем таллинцев.

— Это первый «Кот домашний...», увиденный мною вне Москвы. Он своеобразен и близок к тому, о чем мы с Войновичем хотели сказать. Я боялся, что увижу пьесу про писателей, но получилось — про жизнь. Это редкое ощущение, и я за него благодарен театру. Надеюсь на хорошую и долгую жизнь этого спектакля и рад за театр не только как полуавтор этой пьесы, но и потому, что коллектив находится, на мой взгляд, в хорошей форме. И это несмотря на сегодняшнее труднейшее положение любого театра в стране, когда всем все не интересно и надоело. Конечно, играть преле, про былые годы вдвое сложнее — вроде смел задним числом. Но когда это сочинилось, нам с Войновичем хотелось не обличать каждого подряд, а вместе пошутить и поплакать над тем, что от нас осталось. Ну что ж, мы такие, какие есть, и то, что понемногу возрождаемся в нормальных людей, хотим возродиться, — тут театр может очень многое.

— В Москве «Кота домашнего...» первым поставил «Современник».

— Московский спектакль получился. Ставил его известный актер Игорь Кваша. Это уже не первая его режиссерская работа, по моему — лучшая. В спектакле собралась компания хороших людей. Художник Борис Биргер. Это человек, дважды исключенный из Союза художников, дважды исключенный из партии, большой друг Войновича, вступивший в свое время за Даниэля и Синявского. Сейчас в Москве с грандиозным успехом прошла его первая выставка — своего рода летопись 60-х, где представлены портреты многих, начиная от Андрея Дмитриевича Сахарова и кончая Надеждой Яковлевной Мандельштам, Войновичем, Аксеновым.

Уже сам факт работы над этой пьесой — признак нового. Один из авторов живет в Мюнхене, другой в Москве. Начав работу, я поехал к Войновичу в ФРГ, потом Войновича пригласили в Москву на читку. Это все, чего не могло быть вчера и, может быть, не будет завтра.

С Войновичем мы дружны давно, еще со времени его работы на радио, но вместе мы никогда не писали. А тут очень знакомый материал: Союз писателей со всей его кухней, со всеми этими писательскими домами, где живут вместе правые, левые, средние, никакие. Весь этот департамент литературы. И поскольку по закону депар-

тамента там есть генералы, министры, замминистры, клерки, то и система вознаграждений и поощрений доходит порой до маразма. Кому-то квартира, машина, секретарская должность, поездка за границу. А на ином уровне — литфондовская пошивочная мастерская, где мало меха, и, естественно, даже такая мелочь, как пошив шапок, распределяется по значимости писателя.

У Войновича была по этому поводу повесть «Шапка», у меня — несколько рассказов, связанных с Литфондом и этими порядками. И все сложилось. Я предложил Войновичу сделать пьесу, куда включить и его судьбу, его отъезд. В пьесе есть писатель Николаевич, он не двойник Войновича, но это — его история, его письма, его телеграммы в защиту Сахарова, его выдворение из страны.

— Премьерные спектакли «Кота домашнего...» в Таллине совпали с трагическими днями прощания с Сахаровым. И когда по ходу спектакля со сцены прозвучало его имя, зал встал, минута молчания, прервала спектакль.

— В день смерти Андрея Дмитриевича в Ленком не «Поминальную молитву» пришли многие депутаты. Все знали, что в этот день на спектакль должен был прийти и Андрей Дмитриевич. И зал также встал, и спектакль как бы игрался в его честь, в память о нем. И по всему театру горели свечи, и искусство не стыдилось в эту минуту соответствовать боли жизни.

— «Поминальная молитва» у Марка Захарова — сегодня одно из немногих московских театральных событий.

— Да, этим можно гордиться, это лучший спектакль Захарова и, наверное, лучшая моя пьеса. Знаете, как бывает, — автор пишет, режиссер ставит, но еще Бог наверху распределяет время. Вот он и распределил здесь все, начиная с исполнителя главной роли, который во время спектакля умер и вернулся с того света. На гастролях в ФРГ Евгений Павлович Леонов упал, наступила клиническая смерть, сложнейшая операция на сердце, полтора месяца в больнице, потом он вернулся, естественно, возник вопрос о замене актера в «Поминальной молитве», где Леонов начал репетировать. Но Захаров сказал — будем ждать! И мы ждали полтора года. Когда актер с такой судьбой выходит на сцену, возникает отдельное внетеатральное ощущение.

Он говорит о жизни, смерти, Боге, и ему не надо выпрашивать у зала полномочий на это право. Он вернулся с того света, он знает, что там.

Во-вторых, страсти по национальному вопросу к этому времени обострились до такой степени, что получилось, будто мы специально сделали спектакль, чтобы хоть как-то осмыслить последние события. Выселение евреев в начале века, разделение деревни на русских, украинцев, евреев — а пьеса про это — и то, что играет абсолютно русский человек Леонов, который условно надевает кепку и говорит: «Вот сейчас я стану евреем», а потом его гонят, — все это рождает не этнографический спектакль, а нечто иное. Ведь играют русские актеры, играют без характерной интонации, акцента, без бород. Но... На сцене присутствуют два настоящих хора — русской православной церкви и синагоги. И от этого звучит настоящая боль двух народов, и — Бог, к которому они стремятся. Потому что, как говорится: Бог един, только дороги к нему разные. И бессмысленность того, что люди разделяют по крови... Это удивительно легко на сегодняшний день. Поэтому зал плачет и приходит в отчаяние. И само название — «Поминальная молитва» — как напоминание о том, что когда-то мы были вместе.

— Именно в связи с этим хочу спросить у вас о событиях 18 января в ЦДЛ, ведь вы были непосредственным свидетелем случившегося там.

— Об этом много писали... Знаете, я внимательно рассматривал этих людей, ведь мы впервые, пожалуй, столкнулись с нацизмом в чистом виде, увидели, как он выглядит. В зале ЦДЛ высветилась этическая сторона проблемы. Я видел, как русские писатели, русские, так сказать, по паспорту — мы никогда об этом не задумывались, — первые бросились в драку. Люди еврейской национальности были в шоке. Ну, представьте себе, вот так, уже никого и ничего не стесняясь, — в мегафон: «Жиды, вон из России!». Курчаткин и Елизар Мальцев — те ни секунды ни в чем не сомневались и кинулись лупить «гостей», не раздумывая. Но умом было понятно, что пришельцы только этого и хотят — стычки, потасовки. Когда все дело кончилось милицией, то стражей порядка интересовало только одно: а кто начал? кто первый ударил?

Почему это было столь тягостно? Потому что мы понимали — Фергана или Азерб-